

И вода поет свою благодарность, а Гарри улыбается ей.

Волшебная магия - это тоже весело: жонглировать светом, вызывать огонь, открывать запертые двери и вызывать предметы, но когда Гарри спрашивает, с кем разговаривают волшебники, Горгезлиттер качает головой.

«Они разговаривают сами с собой», - говорит он. «Иногда с нами, кентаврами или мерфолками, если они знают мермиш. Но даже тогда они не слушают».

Гарри потрясенно уставился на него. «Но они же должны уметь слышать».

«Слышать - это не то же самое, что слушать».

Гарри кивает, наказанный. Он усвоил это как свой самый первый урок. «Но неужели? Они даже не слушают нас - то есть вас?»

«Они не знают, что мы можем сказать что-то ценное».

«Я так рад, что Рипкло нашел меня».

Они находятся в одном из офисов банка, отделанном вульгарным мрамором и золотом, чтобы произвести впечатление на волшебников. На самом деле Гарри знает, что мрамор хотел бы вернуться в каменоломню, а золото - на свободу в одно из расплавленных озер. Это унылое место со всеми этими тоскующими голосами, на которые он не может ответить.

Горгезлиттер улыбается ему. «Мы тоже, юный амарач».

Так его называют, когда не используют его имя волшебника, - слово, которое означает «человек» и «говорящий». Гарри улыбается. Он знает, что они никогда не назовут так ни одного из упрямых глухих волшебников.

По мере того как Гарри взрослеет и приближается время, когда ему нужно будет поступать в Хогвартс, гоблины начинают настаивать на том, чтобы он проводил больше времени за пределами Царства Песни, гуляя по улицам Косой Переулок и других анклавов волшебников, раскинувшихся вокруг гоблинских берегов. «Тебе нужно попрактиковаться в английском», - говорит ему Горгезлиттер, проводя его по волшебному району Парижа. Он наложил на себя иллюзию, чтобы выглядеть как волшебник, и никто не стал на него грубо пялиться. «Твой Гоббледук все больше и больше похож на твой родной язык».

«А что в этом плохого? Я все равно не могу заниматься здесь английским».

«Здесь есть волшебники, которые говорят по-английски».

Гарри дуется, но Горгезлиттер тверд, и Гарри понял, что ему ничего не сойдет с рук, когда гoblin так смотрит. Постепенно он тратит больше времени на английский, больше времени на заклинания и учится не обращать внимания на голоса дерева, камня и воды, которые плачут, когда волшебники их не слушают.

Но в тот день, когда Горгезлиттер берет его с собой в магазин палочек Олливандера, он чуть не взбунтовался.

«Действительно ли мне нужна волшебная палочка? Я и без нее прекрасно функционирую», - ворчит он на языке Гоббледук, когда Горгеслиттер решительно ведет его в магазин.

«Не в том смысле, что другие волшебники захотят это увидеть», - отвечает Горгезлиттер.

Гарри угрюмо кивает. Он уже понял, что для волшебников очень важно представлять себя в тайне и соответствовать тому, что они ожидают увидеть. Гоблины могли бы выиграть войну с волшебниками, если бы задействовали все ресурсы Царства Песни, но никто не хочет этого делать. Раскрыть эти секреты? Чтобы волшебники узнали об озерах металла, о Глубинных существах, о секретахковки и ремесла? Это было бы ужасно.

Поэтому Гарри поднимает подбородок, надевает свою «улыбку волшебника», рассчитанную на то, что все будут считать его милым и простым, и входит в лавку Олливандера. Горгезлиттер остается снаружи. Гарри тоже хотел бы, чтобы у него было тело гоблина и душа гоблина, но надо.

Старик, вышедший из глубины лавки, чтобы поглазеть на него, по крайней мере, интересен: вокруг него колыхается магия, а голова наклонена так, будто он слышит, как Волшебные палочки разговаривают в своих коробках. Гарри слегка склоняет голову и убеждается, что говорит по-английски, когда говорит: «Здравствуйте, сэр. Я Гарри Поттер. Я пришел за своей Волшебной палочкой?»

«Ты - Гарри Поттер. Но ты не пришел за своей палочкой».

Ошеломленный, Гарри поднимает голову. «Но она нужна мне, чтобы стать волшебником!»

«Ты здесь, потому что гоблины заставили тебя прийти».

Гарри сужает глаза. Его рука лежит на ноже, который дал ему Рипкло, хотя он надеется, что это выглядит так, будто он просто положил руку на бедро, как маленький гордый волшебник. Он хнычет: «Но мне нужна Волшебная палочка! Даже если гоблины заставили меня прийти, почему вы не можете дать мне палочку?»

«Я продаю свои палочки только тем, кому они предназначены, мистер Поттер. После того как вы провели столько лет в Царстве Песни, здесь вам нечего делать».

Гарри наклоняет голову в сторону, не обращая внимания на волшебника, пока его мысли бродят среди коробок и прислушиваются к голосам дерева, волос и многих других вещей. Затем он поднимает глаза и моргает. «Вы ошибаетесь, сэр. Здесь есть палочка, которая хочет связать себя со мной. Разве вы не разговариваете с ними, когда они говорят?»

Рот Олливандера слегка приоткрывается. Затем он поворачивается и жестом показывает на коробки. «Скажи мне, кто из них кто, если ты можешь их слышать».

«Не просто слышу, а слушаю», - поправляет его Гарри. Ему всегда нравилось такое различие. Он пробирается вдоль полок, прислушиваясь все сильнее, когда слышит, как шорох впереди него становится все более резким и возбужденным. Затем он протягивает руку, и его пальцы касаются края нужной коробки. Он громко смеется, когда коробка распадается на части, и Волшебная палочка оказывается у него в руке.

Какая красивая палочка! Древесина остролиста блестит, и Гарри не может удержаться, чтобы не погладить ту сторону, где виднеется небольшой узелок на древесине. А сердцевина - перо феникса. Оно поёт ему эхом птицы, от которой произошло. Гарри думает, что это галимарт, а он никогда не использовал это слово для обозначения чего-либо, кроме магии гоблинов.

<http://tl.rulate.ru/book/119326/4891680>